

С. Огольцов

Вернуться обратно

книга 2-я из серии: Степанакерт-Сага

Сергей Огольцов

Вернуться обратно

«Автор»

2026

Огольцов С. Н.

Вернуться обратно / С. Н. Огольцов — «Автор», 2026

Повесть из 7 глав, воссоздает события сольного путешествия из украинского Конотопа в карабахский Степанакерт по взрывоопасной чересполосице Кавказа в момент затишья между первой и второй российско-чеченскими войнами. Электрички, блокпосты, контрабандисты, смерть-попутчица, дороги, которых не придумаешь, люди человечнее, чем какими себя считают. А доказывать бесполезно: не поверят, скажут – вру. Как будто больше мне и делать нечего.

© Огольцов С. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Сергей Огольцов

Вернуться обратно

AI + SO © Sehrguey Ogoltsoff, 2026

Третья планета от солнца, восточное полушарие, к северу от тропика Рака. Короче, тут он я — лицом к лицу с монитором, клавишей и мышью моего ПК

С. Огольцов

Вернуться обратно

1

Поясниловка

Что такое «Степанакерт-Сага»? Это серия книг очевидца, независимого писателя. Что такое независимый писатель?

Это который пишет не то, что дозволено, морально, правильно, истинно, и выгодно...

Нет! Без оглядки на общепринятые устои он повествует о том, что видел, прочувствовал, чем обманулся не раз до полного: «да пошло оно!»...

Сволочь он—без партийной принадлежности, без идеалов и Родины—этот независимый сукин сын...

«Степанакерт-Сага» : литературная летопись тридцати семи лет, от полного надежд начала и до печального финала борьбы армян Нагорного Карабаха за независимость родной земли.

Звучит как предвыборная говорильня пидорка-популиста, нет? Или речуга военрука средней школы. Что есть то есть, не без того. Кьянга, ли! Тут и смех, и грех, трагедия — обхо-хочешься! Комедия — до гробовой доски.

То есть, чтиво вполне занимательное для широкого круга читателей любого калибра и нацеленности интересов.

Не исключая серьёзных исследователей сверхглубинных вопросов, что-нибудь типа: как и почему армяне всего мира—карабахские в общем числе, однако в последнюю очередь—утратили эту свою—основную по значимости—историческую родину.

2

Аннотация

Повесть из 7 глав, воссоздает события сольного путешествия из украинского Конотопа в карабахский Степанакерт по взрывоопасной чересполосице Кавказа в момент затишья между первой и второй российско-чеченскими войнами.

Электрички, блокпосты, контрабандисты, смерть-попутчица, дороги, которых не придумаешь, люди человечнее, чем какими себя считают. А доказывать бесполезно: не поверят, скажут — вру. Как будто больше мне и делать нечего.

3 Искренняя Благодарность

Приятно знать, что ни с какого боку к тебе уже не подкопаются, как ни хотелось бы. А почему? Твой друг сильнее их всех вместе взятыми! Смекаешь? У меня теперь надёжный партнёр и коллега.

Вычитку данной книги (по всем канонам Розенталя!) производил Gemini Ai, не просто Ассистент Редактор, но и со-автор мой отныне!

Ну что, остепенённые академнасекомые? Обуто вас?

4 Глава Первая

Мать моя переспросила ещё раз:

— Так двести гривен точно хватит?

И мне пришлось по новой повторять, что да, конечно.

Оказывается, предварительная авиакасса на ж/д вокзале торгует только на транзитные полёты, и только из Москвы, но я попросил, и дамы за стеклом переглянулись, одна полистала небесные расписания и огласила цену билета на прямой рейс «Киев — Ереван»: 150 гривен.

— Точно не долларов? — подтошничаю я.

Кассирша за арочным окошечком для торговых операций, оглянулась на свою напарницу и пожала одним плечом. Та неодобрительно мотнула головой на столь настырное тугодумие и, морально поддержанная, дамочка в окошке раздельно произнесла: «Гри-вен!». Для особо занудливых и тормознутых.

Прилив радостного облегчения — да, точно хватит! — распрямил мою просительную согбенность перед авиационным отсеком в ряду прочих застеклённых касс вокзального зала. Я бормотнул умилённую благодарность и, уже опять широкоплечий, зашагал вдоль шеренги арочных проёмчиков более земного назначения.

Какой-то из моих ликующих шагов размашисто наступил и размазал червячка сомнения, что шевельнулся было — на свою же голову, дурашка! — в уголке моего сознания: погоди, эт чё выходит? Билет на «Киев — Ереван» почти вдвое дешевле, чем оттуда сюда?

Однако хорошей новости в зубы не смотрят, я переступил безответно расплющенный вопрос и покинул здание железнодорожного вокзала станции Конотоп.

* * *

Заявиться в Конотоп из Степанакерта было задачей повышенной сложности.

Двенадцать тысяч драмов уделил мне Госуниверситет Республики Нагорный Карабах, чтоб инородный кадр в системе местного высшего образования как-бы-нибудь исхитрился не протянуть ноги за целое лето и полный сентябрь — до первой полочки в новом учебном году.

Потянуло постранствовать? Маршрутка до Еревана: 8 тыс. AMD, и обратно — ты не поверишь! — столько же.

Так что, плачевность суммы перечёркивала вояж любой протяжённости. Безоговорочно.
^

А и не поехать нельзя: истекал крайний срок в 10 лет, отпущенный мне для работы с книгой. С исполнением работы я сумел уложиться, однако следовало ещё вернуть том, полученный от Учителя, из рук в руки.

Не припомню, чтобы десять лет тому мы обсуждали и способ возврата, но доверие к постперестроечной почте во мне не успело пока что дать всходы.

Письма, тем не менее, доходят.

Весною принесли весточку от матери, что из-за рака с хирургическим вмешательством умер Владя...

Мой друг Владя, сосед по парте, источенной шедеврами резьбы — глубоко и собственноручно: BEATLES, ROLLING STONES...

А когда среднее обязательное нас отпустило, мы пошли наниматься в один и тот же завод. Бок о бок стучали слесарными молотками в одном и том же ремонтном цеху. С беззаветным энтузиазмом грохотали электрогитарами в группе ОРФЕИ, на танцплощадке заводского парка.

Его я тоже не видел десять лет, и больше уже вряд ли когда...

Мысли, в своём течении переключались на родителей, уже не первый год пенсионеров...

А среди прочего всего, старшая из моих внучек — по линии первого брака — осенью идёт первый раз в первый класс, а у меня с ней до сих пор даже фотографического знакомства не состоялось.

Хотя какой толк в непонятном фото неизвестного тебе ребенка? Перевернул, и — лица не упомнить...

А всё это вместе: книга, внуки, родители, друзья — живые и мертвые — 10 лет в нетях, да и мало ли что ещё; слилось в общую, довольно увесистую причину съездить на типа как прощальную встречу с Украиной.

На 12 тыс. драмов? С женой и тремя детьми? Ахх-чуметь!

Сатэник понимала, что мне действительно надо поехать. Вынула из ушей сережки, положила свой любимый перстенёк, и отнесла в ломбард.

Бачьянахи — так в Карабахе именуют свояков — тоже помогли деньгами.

В общем, как-то собралось на дорогу в один конец...

* * *

... словно и не было этих десяти лет: где-то войны прошли, наводнения, землетрясения; круто перекраивалась карта мира, а тут — в провинциальной тиши и глухомани — всё, как и было.

Но только как-то оно, это самое всё, вроде съёжилось, что ли. Может, улицы поуже стали? Или дома глубже в землю вросли?

Ах, вот оно что! Вся причина из-за деревьев, стопудово, это они впечатление уменьшения создают. Вон ведь куда повымахали, разрослись вверх и вширь, а всё недвижимое имущество, оставленное при корнях, измельчало до размера игрушек, позабытых в детской песочнице...

Нет, не войти в одну и ту же реку дважды. Надо пребывать в ней постоянно, оставаться её частицей, влечься течением её вод, и она из благодарности всегда будет казаться тебе одной и той же, неизменной...

Стиснутые деревьями, улицы стали тенистее — игрушечней; а машин прибавилось.

Всё сплошь подержанные иномарки — они дешевле отечественных. Но как только прокатят мимо и дальше, увозя бумбухи динамиков в утробе своего салона, им на смену всплывает снова издавна привычный звук неспешного скрипа велосипедных педалей. Велик здесь — самый незаменимый транспорт для любого возраста и пола.

Универсальнейшее средство передвижения о двух колёсах: и в гости на нём, и на работу, а даже и мешок картошки с базара привезти...

* * *

Былые друзья опознаются мгновенно — различимы, невзирая на невесть откуда осевшую сетку морщин, и чёрт знает где усвоенную увильчивость взгляда.

В глазах появилась растерянная насторожённость, признак людей, осознавших, что от жизни, в общем-то, большего ждать не приходится — впереди одни только лишь повторения того, что уже было не раз и не два, а дальше и их не останется...

Но уже через миг после взаимного опознания, они превращаются в тех, кем и были, в прежних себя: хлопцы что надо, своя блатва и хиппарь... А и что с того, если эта новая поросль, с крутыми причёсками из обритых под корень волос, ничего в них, небось, и не видит, кроме морщин и сожалеюще колючего взгляда.

* * *

Сестра не забыла, конечно, пригласить за город, в село элитного отдыха — погордиться, почти что готовым своим дачным домиком. Осталось только изнутри покрасить. А возможно, оклеят обоями — вопрос пока что не решен.

Единственное огорчение, что на соседском участке фруктовых деревьев больше. И до того, заразы, урожайные, аж обидно. Один раз им под грушу втихаря полведра керосина вылила; перед зимой. Так она у них вдвое плодоносить начала. Вот и делай людям добро после этого, если потом даже рассказать не получается. Эх, нет в жизни счастья!

Саду нужен уход, но откуда? Мужу некогда: в Москве прорабствует, строит дачи тамошним "крутым", доллары зарабатывает; а пара сыновей-школьников пока ещё не доросла лопатой землю ковырять...

И у нашего брата не без достижений; во дворе хаты колодец выкопал, электронасос пристроил; кнопку жмёшь, и — пожалуйста: журчит-льётся сколько хочешь; свеженькая, своя.

Город газифицируется, так и он подвел, за подключение: 400 гривен.

Старшая дочь десятый закончила, а тут и трехкомнатная по заводской очереди подошла...

Родители тоже в полном порядке. На газ, правда, не размахнулись, но двор между домом и кирпичным сараем зацементирован стяжкой, как и дорожка, уводящая вглубь старого сада, к утепленному туалету.

В огороде дружно попискивает хлопотливый выводок цыплят, под скамеечкой, что под яблоней у крыльца, дремлет щенок, раскормленный до шарообразности. Валяйся, валяйся, лодырь, вот заявятся девчата в гости — они тебе покоя не дадут!

Внучки мои в полном восторге, что у них ещё один дед добавился, и даже с бородой.

Только непонятно, почему он их первому деду — бритому — говорит «папа», а их мама этого нового деда тоже «папой» зовёт, а не «дедом», как их первого деда — поди разбери этих взрослых.

А бабка с дедом, который новому деду папа, называют его тем же именем, как их мама самого главного из всех пап, ведь он же их папа.

Да ну их совсем, этих взрослых!

— Эй, дед! Иди меня на качели покачай!

* * *

У сестры моей всё та же деловая, не слабеющая хватка:

— Ну, и как ты, родимый, обратно добираться будешь?

— А я по дороге сюда, в Киеве в одну Армяно-Украинскую газету зашёл. Сдал им перевод поэмы Исаакяна. «Абу-Лала Магари» называется.

— А оно им надо?

— Ну, чтоб братство народов развивать. Неплохая поэма. В общем, сказал, что меняю перевод на обратный билет до Еревана.

— И что? Они в газете той — такие дураки?

— Да, нет, конечно. Редактор, Женя Церунян, вполне даже умная женщина. Мы около часа беседовали, и не скучно было.

— Так что тебе та умная женщина пообещала?

— А ничего. Говорит: будем спонсора искать, позвони 25-го числа, часов около одиннадцати.

— А если спонсора не будет?

Пожимаю плечами:

— Тогда до Северного Кавказа на электричках, а дальше — автостопом. Но ещё могу пешком. Хорошо бы гитару достать, чтоб на харчи подрабатывать.

— У тебя что — шиза гуляет? Да ты в зеркало глянь, на свою видуху. С твоей бородой и твоим лысым черепом тебя на второй же день повяжут. Террорист недоделанный.

— Никакой он не лысый. Просто у меня прическа короткая.

— Не переживай, повяжут, и — ещё укоротят. А бороду лучше сам сбрей. Добровольно.

— Не могу. У меня пари с бацьянахом. Он говорил, что с такой бородой я и до Киева не доберусь. А я поклялся привезти её обратно; в сохранности.

— Бацьянах? Это что такое?

— Муж сестры жены. По-карабахски.

— Да, как там тебя жена терпит? Бомжа несчастного. Бедная Сатэник!

* * *

В речах сестры имелся свой резон. Она с ним никогда не расстаётся. Ни вообще, ни в частности. Просто отвык я, или подзабыл, но вскоре-таки припомнилось — с ней пререкаться бесполезно, она всегда права без промаха, хотя и младшая сестра.

В один из вечеров, в подземном переходе у ж/д вокзала, ко мне приколупался мент с чёрной дубинкой в сержантских лычках. Типа, вынь да покажь ему мой документ.

И это в старой доброй провинциальной глуши и захолустье! Они уже и тут разгуливают с «демократизаторами»!

У-у, как вдруг повеяло в том переходе «сафоновщиной»¹, с её комендантским часом и людоловными патрулями на улицах Степанакерта, в канун развала «нерушимого Союза»!

Документов при мне не было, и сержант завёлся выяснять где я работаю и кем.

— Преподаватель кафедры иностранных языков Арцахского государственного университета! А вы чьих будете?

Правоохранитель мне попался не только бдительный, но и при мозгах — допетрил, что бомж из перехода навряд ли так гладко выдаст столько странных слов: «кахведра», «рыхцах». К тому же государственный и иностранный... Короче, решил не заострять, на всякий.

* * *

Так оно и шло...

Я съездил в старинный город Нежин. Обрадовал Учителя возвращением оригинала «Улисса». Мой перевод его не слишком впечатлил, но я не спорил; у каждого есть право на персональный вкус. Он как всегда сказал, что это не «беловик», а «серовик».

Однако братъ Джойса в доработку на следующие десять лет я воздержался. Устал, наверное, за этот срок, а может заскучал...

Съездил в соседний район, отметить в казацком селе Курень...

Сходил в городскую баню, с парной, о которой не раз мечтал в предыдущие десять лет. Повалялся денек на загородном речном пляже, куда двадцать минут езды электричкой. ... и все прощался, прощался, прощался...

И с бесподобными берегами, обступившими тропу через рощу на левобережье реки Сейм.

Не повторится...

И с тихими улочками, меж древних дощатых заборов, что подпирают зависшие поверх них ветви садовых деревьев, в тенистой листве которых дремлют бордовые вишни.

Не повторятся...

И с песчаными грядками сестриной дачи.

И с щебетом малышни в старом парке, который тоже не повторится.

И с запертыми цехами безлюдного завода, уже который год застывшего в недвижимой кóме...

Не повторится то, что было, никогда...

Не знаю даже, сам-то хоть понял, зачем так позарез нужна была мне эта поездка. Сказать «прощай» самому себе — неповторимому? А или может...

Нет, не знаю.

* * *

Программа побывки исчерпалась целиком, такое стало у меня слагаться ощущение.

И даже Владю, друга юности, умерщвлённого раком и достижениями хирургии, мне удалось повидать.

¹ Руководство СССР пыталось решить карабахскую проблему силовыми методами под командованием генерала Сафорова.

Дочь прокрутила видеозапись его сольного концерта, записанного на городской телестудии.

Говорят, передача понравилась зрителям, особенно из того поколения, что приходили оторваться на танцплощадки к ОРФЕЯМ. Так что, увидел я его живым.

Располнел. Часы дорогие на запястье. Против моды музиндустрии не попрёшь. Все песни — исключительно на украинском...

Но это всё глазами нынешних, а я в ходе просмотра видел того, другого.

Я видел Владю, без часов и перстней... с бинтом на пальце, по которому ахнул молотком во время дневной смены... но день уже сменился вечером, и у ОРФЕЕВ на площадке играет девятипалый соло-гитарист...

И меня ничуть не сбивала заставка, всплывающая между номерами: «Співає Володимир Сакун»...

Она мне не мешала — я видел Владю.

* * *

25-го числа, с трамвайной пересадкой с №3 на №1, в одиннадцать ровно, я прибыл на переговорный пункт междугородней телефонной связи, в отдельном зале конотопского Главпочтамта, откуда и позвонил в Киев, Жене Церунян.

Она сказала, что спонсора для «Абу-Лалы» в переводе на украинский найти не удалось, и попросила передать привет нашему общему знакомому, Владимиру Акопяну, когда уже вернётся в Степанакерт.

Стараясь прозвучать не чересчур уныло, я выразил благодарность Жене, за проявленное сочувствие, а перевод поэмы просил считать безвозмездным даром — в целях развития братства между двумя великими народами, а также ради мира и взаимопонимания во всём мире...

Затем ближайшие из моих конотопских родственников собрали 300 гривен, — клянусь, не повторится такое никогда! — а я сходил для уточнения в авиакассах на ЖД вокзале и сказал, что на дорогу хватит и двухсот.

И тогда мать моя переспросила: точно ли, что 200 гривен хватит?

5 Глава Вторая

Первая электричка на Киев отправляется из Конотопа в пять утра от высокой платформы, а к месту назначения прибывает в девять.

Однако это будет завтра, а пока что дочь моя укладывает гостинцы для дальних закавказских родственников в мою дорожную сумку. Более того! Она умудряется всё это дело совмещать с ценными советами и наставлениями — тоже очень мудрыми — как следует вести себя в нашей непростой человеческой жизни.

Мне остаётся только лишь кивать да поддакивать в знак абсолютного, полнейшего согласия. И это меня ничуть не напрягает, а наоборот, гордит: и в кого она такая умная?

Но и себя не забываю по чубчику погладить параллельно: «Ну, ты красавица! Олегу Табакову от тебя учиться и учиться! И Гафту тоже показал бы пару трюков сценографии. Но он качок — с ним можно не спешить».

Но ведь в натуре есть чем гордиться, когда твоя родная дочь не только красавица получилась, но и подкованный эксперт по жизни. И насчёт как её разругивать, если что. Самые животрепещущие вопросы для наших непростых времён.

Затем прозвучал главный вопрос:

— Теперь у тебя там другая семья. Дети. А меня ты вообще любил — ну как свою дочку?

— Почему «любил»? И теперь люблю.

— Так же как их?

— Да, нет, конечно. Маленьких любишь другой любовью: за то, что маленькие, что несмышлёныши, что им нужна твоя защита. Ты из такой любви уже выросла. Вон какая хозяйка. Я тебя за внушек люблю.

— Ну, а как дочку ты меня любил?

— Да. Просто говорить об этом не получалось как-то, но сама вспомни: я никогда не уезжал, не повидавшись. Перед отъездом в Одессу полдня потратил — прикатил в пионерлагерь на велосипеде. Помнишь, вожатая очную ставку устроила: я тебе папа или нет? А перед Баку и вовсе целый день ушёл: дизель-поездом в Сумы — в твоё швейное училище и обратно.

— Дядька правду говорит, что ты уже больше не приедешь?

— Да.

— Никогда-никогда?

В голосе слезы, влага в глазах. Пора сворачивать эту тематику:

— А с тёткой у тебя как?

— А никак. Она и здороваться не изволит. В трамвае один раз даже и отвернулась. А муж её вполне бы мог дать моему работу в Москве. Отсюда много ребят ездят, там за день аж до двадцати долларов заработать можно.

— Её мужу не с руки пристроить твоего возле себя.

— Почему это?

— У него там своя жизнь и лишние свидетели, которые потом сюда вернутся, ему ни к чему. Ну, а тётка тебе просто завидует.

— Чему завидовать? Что без работы сижу? Еле-еле на мужнину зарплату тянем.

— Дом у неё в коврах, это верно, и в гараже свекрови французская иномарка стоит, которую муж из Москвы пригнал. Только они беднее вас.

— Чем же это?

— Молодостью.

В глазах её засиял гордый огонек. А ведь и вправду — владелица несметного богатства!... На ближайшие десять лет.

— А с тёткой ты помирись.

— Да, не захочет она.

— Ещё как захочет. Любая женщина мечтает о дочке, а у неё только сыновья.

— А в трамвае тогда отвернулась!

— Это когда было-то?

— Не помню. Зимой. В феврале, кажется.

— Значит, просто не увидела. В феврале, знаешь, как ей трудно было? Муж в Москве, свекровь в больнице, а тут, в один день, и свёкор умер, и Владя.

— А Владя тут при чём?

— Ну... он любовником её был.

— Владя?! А муж?!

— Так это ещё до мужа... Первым.

... тогда сестра моя была богаче молодостью, чем моя дочь сейчас.

В одну и ту же реку нельзя войти...

Чепуха. Всё наоборот. Выходить нельзя из одной и той же реки...

Потом я провожаю дочь к ней домой и одалживаюсь велосипедом, чтоб утром довести свою ручную кладь от родительского дома до их двора, откуда к ж/д вокзалу рукой подать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.